

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Свинопас

Жил-был бедный принц. Королевство у него было совсем маленькое, но какое-никакое, а все же королевство – хоть женись, и вот жениться-то он как раз и хотел.

Оно, конечно, дерзко было взять да спросить дочь императора: «Пойдешь за меня?» Но он осмелился. Имя у него было известное на весь свет, и сотни принцесс сказали бы ему спасибо, но вот что ответит императорская дочь?

А вот послушаем.

На могиле отца принца рос розовый куст, да какой красивый! Цвел он только раз в пять лет, и распускалась на нем одна-единственная роза. Зато сладок был ее аромат, понюхаешь – и сразу забудутся все твои горести и заботы. А еще был у принца соловей, и пел он так, будто в горлышке у него были собраны все самые чудесные напевы на свете. Вот и решил принц подарить принцессе розу и соловья. Положили их в большие серебряные ларцы и отослали ей.

Повелел император принести ларцы к себе в большой зал – принцесса играла там в гости со своими фрейлинами, ведь других-то дел у нее не было. Увидела принцесса ларцы с подарками, захлопала в ладоши от радости.

– Ах, если б тут была маленькая киска! – сказала она.

Но появилась чудесная роза.

– Ах, как мило сделано! – в голос сказали фрейлины.

– Мало сказать мило, – отозвался император, – прямотаки недурно!

Только принцесса потрогала розу и чуть не заплакала.

– Фи, папа! Она не искусственная, она настоящая.

– Фи! – в голос повторили придворные. – Настоящая!

– Погодим сердиться! Посмотрим сначала, что в другом ларце! – сказал император.

И вот выпорхнул из ларца соловей и запел так дивно, что поначалу не к чему и придраться было.

– Бесподобно! Великолепно! – сказали фрейлины; все они болтали по-французски одна хуже другой.

– Эта птица так напоминает мне органчик покойной императрицы! – сказал один старый придворный. – Да, да, и звук тот же, и манера!

– Да! – сказал император и заплакал, как ребенок.

– Надеюсь, птица не настоящая? – спросила принцесса.

– Настоящая! – ответили посланцы, доставившие подарки.

– Ну так пусть летит, – сказала принцесса и наотрез отказалась принять принца.

Только принц не унывал; вымазал лицо черной и бурой краской, нахлобучил на глаза шапку и постучался в дверь.

– Здравствуйте, император! – сказал он. – Не найдется ли у вас во дворце местечка для меня?

– Много вас тут ходит да ищет! – отвечал император. – Впрочем, стой, мне нужен свинопас! У нас пропасть свиней!

Так и определили принца свинопасом его величества и убогую каморку рядом со свинарником отвели, и там он должен был жить. Ну вот, просидел он целый день за работой и к вечеру сделал чудесный маленький горшочек. Весь увешан бубенцами горшочек, и когда в нем что-нибудь варится, бубенцы вызванивают старинную песенку: Ах, мой милый Августин, Все прошло, прошло, прошло!

Но только самое занятное в горшочке то, что если подержать над ним в пару палец – сейчас можно узнать, что у кого готовится в городе. Слов нет, это было почище, чем роза.

Вот раз прогуливается принцесса со всеми фрейлинами и вдруг слышит мелодию, что вызванивали бубенцы. Стала она на месте, а сама так вся и сияет, потому что она тоже умела наигрывать «Ах, мой милый Августин», – только эту мелодию и только одним пальцем.

– Ах, ведь и я это могу! – сказала она. – Свинопас-то у нас, должно быть, образованный. Послушайте, пусть кто-нибудь пойдет и спросит, что стоит этот инструмент.

И вот одной из фрейлин пришлось пройти к свинопасу, только она надела для этого деревянные башмаки.

– Что возьмешь за горшочек? – спросила она.

– Десять поцелуев принцессы! – отвечал свинопас.

– Господи помилуй!

– Да уж никак не меньше! – отвечал свинопас.

– Ну, что он сказал? – спросила принцесса.

– Это и выговорить-то невозможно! – отвечала фрейлина. – Это ужасно!

– Так шепни на ухо!

И фрейлина шепнула принцессе.

– Какой невежа! – сказала принцесса и пошла дальше, да не успела сделать и нескольких шагов, как бубенцы опять зазвенели так славно: Ах, мой милый Августин, Все прошло, прошло, прошло!

– Послушай, – сказала принцесса, – поди спроси, может, он согласится на десять поцелуев моих фрейлин?

– Нет, спасибо! – отвечал свинопас. – Десять поцелуев принцессы или горшочек останется у меня.

– Какая скука! – сказала принцесса. – Ну, станьте вокруг меня, чтобы никто не видел!

Загородили фрейлины принцессу, растопырили юбки, и свинопас получил десять поцелуев принцессы, а принцессагоршочек.

Вот радости-то было! Весь вечер и весь следующий день стоял на огне горшочек, и в городе не осталось ни одной кухни, будь то дом камергера или сапожника, о которой бы принцесса не знала, что там стряпают. Фрейлины плясали от радости и хлопали в ладоши.

– Мы знаем, у кого сегодня сладкий суп и блинчики! Знаем, у кого каша и свиные котлеты! Как интересно!

– В высшей степени интересно! – подтвердила обергофмейстерша.

– Но только держите язык за зубами, ведь я дочь императора!

– Помилуйте! – сказали все.

А свинопас – то есть принц, но для них-то он был по-прежнему свинопас

– даром времени не терял и смастерил трещотку. Стоит повертеть ею в воздухе – и вот уж она сыплет всеми вальсами и польками, какие только есть на свете.

– Но это же бесподобно! – сказала принцесса, проходя мимо. – Просто не слыхала ничего лучше! Послушайте, спросите, что он хочет за этот инструмент. Только целоваться я больше не стану!

– Он требует сто поцелуев принцессы! – доложила фрейлина, выйдя от свинопаса.

– Да он, верно, сумасшедший! – сказала принцесса и пошла дальше, но, сделав два шага, остановилась. – Искусство надо поощрять! – сказала она.

– Я дочь императора. Скажите ему, я согласна на десять поцелуев, как вчера, а остальные пусть получит с моих фрейлин!

– Ах, нам так не хочется! – сказали фрейлины.

– Какой вздор! – сказала принцесса. – Уж если я могу целовать его, то вы и подавно! Не забывайте, что я кормлю вас и плачу вам жалованье!

Пришлось фрейлине еще раз сходить к свинопасу.

– Сто поцелуев принцессы! – сказал он. – А нет – каждый останется при своем.

– Становитесь вокруг! – сказала принцесса, и фрейлины обступили ее, а свинопас принялся целовать.

– Это что еще за сборище у свинарника? – спросил император, выйдя на балкон. Он протер глаза и надел очки. – Не иначе как фрейлины опять что-то затеяли! Надо пойти посмотреть.

И он расправил задники своих туфель – туфлями-то ему служили стоптанные башмаки. И-эх, как быстро он зашагал!

Спустился император во двор, подкрадывается потихоньку к фрейлинам, а те только тем и заняты, что поцелуи считают: ведь надо же, чтобы дело сладилось честь по чести и свинопас получил ровно столько, сколько положено, – ни больше, ни меньше. Вот почему никто и не заметил императора, а он

привстал на цыпочки и глянул.

– Это еще что такое? – сказал он, разобрав, что принцесса целует свинопаса, да как хватит их туфель по голове!

Случилось это в ту минуту, когда свинопас получал свой восемьдесят шестой поцелуй.

– Вон! – в гневе сказал император и вытолкал принцессу со свинопасом из пределов своего государства.

Стоит и плачет принцесса, свинопас ругается, а дождь так и поливает.

– Ах я горемычная! – причитает принцесса. – Что бы мне выйти за прекрасного принца! Ах я несчастная!..

А свинопас зашел за дерево, стер с лица черную и бурую краску, сбросил грязную одежду – и вот перед ней уже принц в царственном облачении, да такой пригожий, что принцесса невольно сделала реверанс.

– Теперь я презираю тебя! – сказал он. – Ты не захотела выйти за честного принца. Ты ничего не поняла ни в соловье, ни в розе, зато могла целовать за безделки свинопаса. Поделом тебе!

Он ушел к себе в королевство и закрыл дверь на засов. А принцессе только и оставалось стоять да петь: Ах, мой милый Августин, Все прошло, прошло, прошло!

Загрузка...